

УДК 81'23+81'27(045)

*Е.Н. Филиппов***САКРАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД КОММУНИКАЦИИ:
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

В исследовании представлены результаты системного анализа структуры сакральной коммуникации. Необходимым элементом для определения коммуникации как сакральной является принадлежность одного или более субъектов к сверхъестественной силе. В качестве средства коммуникации выступают сакральные знаки, которые могут быть как вербальными, так и невербальными. Знаки могут наделяться магической силой, тем самым выполнять функцию сверхъестественной силы. Относительно цельной единицей сакральной коммуникации будет сакральный коммуникативный акт, а его основным компонентом — сакральный текст. В ходе исследования уточняются термины, связанные с данным видом коммуникации. Характеризуются темпоральная и локативная специфика функционирования, элементы семантики (оппозиция сакральный / профанный, удвоение миров) и роль прецедентности. Выделяются причина и цель сакральной коммуникации, описываются возможные варианты их соотношения. Достижение или не достижение цели, которое обусловлено рядом специфических факторов, определяет успешность коммуникации.

Ключевые слова: теория коммуникации, сакральная коммуникация, сакральный текст, сакральный коммуникативный акт, сакральный знак.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1115-1121

Взаимодействие человека со сверхъестественной силой можно определить как специфический вид коммуникации, или сакральную коммуникацию. Сакральная коммуникация является предметом изучения разных наук: антропологии, этнологии, психологии, лингвистики и др. В данной статье мы рассматриваем сакральную коммуникацию в рамках общей теории коммуникации. Целью исследования является определение специфических черт сакральной коммуникации и уточнение терминологического аппарата, связанного с этим понятием.

В нашей работе мы не ставим вопрос о существовании сверхъестественных сил, а исследуем лишь представления человека (этноса) о них и о способе коммуникации с ними. Когда мы говорим об изменении реальной действительности при помощи сакральной коммуникации, то имеем в виду представление субъекта коммуникации о природе этих изменений.

Существует множество определений понятия «коммуникация». Рассмотрим некоторые из них. «Коммуникация – общение, форма взаимодействия людей, основным содержанием которой является передача информации» [13, с. 152]. «Коммуникация (лат. communicatio, от communico – делаю общим, связываю, общаюсь) – общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д. – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [19, с. 233]. Оба определения подчеркивают социальный характер коммуникации, с чем мы полностью согласны, но они сужают функциональные характеристики понятия (коммуникация – это не только обмен или передача информации) и сферу реализации (коммуникация не ограничивается познавательно-трудовой деятельностью).

Определение А.А. Леонтьева: «Общение, или коммуникация, – одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности» [14, с. 28], – также свидетельствует о социальной природе коммуникации и о ее связи с деятельностью человека. При этом Леонтьев говорит о взаимосвязи коммуникации с разными видами деятельности, и о том, что возможность коммуникации предопределяется ее социальной природой: «Общение – это не процесс, происходящий между изолированными людьми в обществе, а прежде всего процесс, происходящий между людьми как членами общества» [14, с. 31].

Социальность коммуникации кроет в себе еще одну особенность – антиномичность. Коммуникация, протекая в обществе, обусловлена этим самым обществом, кроме того, она участвует в формировании общества.

Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение, данное В. В. Красных: «Человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т.е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» [8, с. 168]. Это определение указывает на характер проте-

кания процесса коммуникации («передача / получение / обмен), на цель коммуникации («воздействие» [14]), на социальность коммуникации и ее связь с деятельностью («взаимодействие двух и более языковых личностей, совместная деятельность»).

Сакральная коммуникация – «это особый вид коммуникации, где по крайней мере один из субъектов, участвующих в ней, имеет сверхъестественную природу, т. е. является божеством (Богом, богом, демоном, духом и т. п.) или персонифицированной магической силой» [3, с. 155].

В сакральной коммуникации происходит удвоение миров. В потустороннем мире также существуют свое время и пространство, но этот мир – не отдельная реальность, а тесно связанная с посюсторонним миром реальность, причем часто определяющая бытие посюстороннего мира. Сакральную коммуникацию можно рассматривать как акт трансценденции человека (субъекта коммуникации).

Сакральная коммуникация прецедентна по своей сути, так как она основывается на мифе. Прецедентность стабилизирует сакральную коммуникацию: снижает уровень иррационального страха (ужаса) при взаимодействии со сверхъестественным. Прецедентность вселяет уверенность субъектам коммуникации, становится «залогом, гарантом» эффективности коммуникации.

Причина сакральной коммуникации – «прагматическая оценка субъектом некоторой ситуации как желательной или нежелательной» [3, с. 212].

Цель сакральной коммуникации – воздействие на эту ситуацию с помощью сверхъестественной силы.

Ситуация как предмет сакральной коммуникации может иметь место в обыденном и в мистическом мирах (например, на изменение или сохранение ситуации в обыденном мире могут быть направлены любовные, хозяйственные и другие виды заговоров, а на изменение ситуации в мистическом мире направлены моления об усопшем).

Соотношения причины и цели сакральной коммуникации:

1. Ситуация «не устраивает субъекта, он хочет ее устранить» [3, с. 212].
2. Ситуация нехватки чего-либо. Субъект пытается восполнить эту нехватку.
3. «Ситуация существует и коммуникатор хочет, чтобы она продолжала существовать» [3, с. 212].
4. Ситуация отсутствия чего-либо. Субъект хочет, чтобы то, что отсутствует, продолжало существовать.

Второй и четвертый варианты соотношения причины и цели коммуникации Г.В. Гриненко обозначает как: «ситуация не существует в мире <...>, а коммуникатор хочет, чтобы она существовала <...>; ситуация не существует, и коммуникатор хочет, чтобы она продолжала не существовать» [3, с. 212]. Формулировка «ситуация не существует», на наш взгляд, не очень удачная, так как если ситуации нет, то не будет и причины, и, собственно, коммуникации – нечего будет менять или продлевать существование / отсутствие. Поэтому, мы позволили себе несколько иначе их охарактеризовать.

Сакральная коммуникация может быть успешной и неуспешной. Успешной коммуникацией мы будем называть коммуникацию, которая достигла своей цели, а именно изменила ситуацию необходимым, с точки зрения субъекта, образом. Наличие у субъектов общей пресуппозиции и владение «метакоммуникативным инструментарием» [2] предопределяет возможность существования сакральной коммуникации как таковой и является необходимым условием для успешной коммуникации.

Неуспешная сакральная коммуникация – коммуникация, которая не достигла своей цели, не изменила ситуацию необходимым, с точки зрения субъекта, образом. Причина неуспешности, как правило, объясняется несовершенством посюстороннего мира (реальной действительности) и его обитателей, либо неправильной организацией сакральной коммуникации (выбор неправильного способа и (или) средств). Сверхъестественные силы (потусторонний мир) реже обвиняются в неуспехе коммуникации, так как они обладают статусом «непреодоляющей истинности».

Коммуникативный акт – относительно целостная единица коммуникации, представляющая собой акт передачи текста «от одного субъекта (коммуникатора) – другому (коммуниканту)» [3, с. 264]. Соответственно, в сакральном коммуникативном акте один из субъектов будет иметь сверхъестественную природу.

«Коммуникативный акт есть средство для достижения целей – как коммуникатора, так и коммуниканта. А само достижение или не достижение цели можно считать результатом коммуникативного акта» [3, с. 215].

Коммуникативный процесс опосредован прошлым, протекает в настоящем и направлен в будущее. Отсюда сложность (и некоторая условность) определения границ коммуникативного акта и шире коммуникации.

Стоит уточнить, что понятия коммуникативный акт и речевой акт не являются синонимами. Коммуникативный акт включает в себя не только вербальные средства передачи информации, но и невербальные. Речевой акт может быть частью коммуникативного акта, его вербальной составляющей.

Субъекты коммуникации:

- 1) «коммуникатор (адресант) – субъект, который передает информацию;
- 2) коммуникант (адресат) – субъект, который воспринимает информацию» [3, с. 158].

Данное разделение является весьма условным, так как субъект коммуникации выполняет роль коммуникатора и коммуниканта не последовательно, а одновременно. Это проявляется, в частности, в корректировке коммуникатором «исходного (изначально задуманного)» сообщения в процессе его продуцирования с учетом изменений экстралингвистической ситуации общения (или «конситуации» [8, с. 180]) и с учетом оценки реакции коммуниканта («обратная связь, сигнализирующая говорящему о том, что выбранные им содержание и способы достигли своей цели» [14, с. 33]. Сигналы, воспринимаемые коммуникатором, могут быть вербальными и невербальными. «Невербальные сигналы – материальные, чувственно воспринимаемые действия общающихся, включая действия с предметами, несущие для собеседников и окружающих определенный, закрепленный данной культурой смысл» [15, с. 79]). В этом случае субъект коммуникации и продуцирует некую информацию, т. е. является коммуникатором, и воспринимает информацию, влияющую на ситуацию общения, т. е. является коммуникантом.

В коммуникации, где процессы порождения и восприятия текста разделены временем и (или) пространством (напр. переписка, запись / воспроизведение аудио- и видеозаписи, общение с помощью современных технически средств и т. д.), субъект имеет тот же двусторонний характер. В-первых, диалогизм коммуникации предполагает, что при создании текста всегда есть референтная связь с предполагаемым адресатом на ориентировочно-исследовательской и исполнительной фазах коммуникативной деятельности [5]. В-вторых, влияние экстралингвистических факторов на порождение и восприятие текста. Ориентация на предполагаемого адресата отражается и в экстерииоризированной коммуникации, «... в сущности, слово является двусторонним актом. Оно в равной степени определяется как тем, чье оно, так и тем, для кого оно. Оно является как слово именно продуктом взаимоотношений говорящего со слушающим. Всякое слово выражает “одного” в отношении к “другому”. В слове я оформляю себя с точки зрения другого, в конечном счете, себя с точки зрения своего коллектива. Слово – мост, перекинутый между мной и другим. Если одним концом он опирается на меня, то другим концом – на собеседника. Слово – общая территория между говорящим и собеседником» [1, с. 420-421]. На наш взгляд, свойства «слова», о которых говорит М.М. Бахтин, присущи и другим коммуникативным знакам.

Основным компонентом коммуникативного акта является «текст». «Текст» в данном случае мы понимаем как сложное семиотическое образование, которое включает в себя вербальные и невербальные знаки [6; 9]. «Знак – это материально выраженная замена предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе» [10, с. 4]. Вербальные и невербальные знаки взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. Текст может быть комбинированным (состоять из вербальных и невербальных знаков), а может быть полностью невербальным.

Для сакрального коммуникативного акта таким компонентом будет являться «сакральный текст». Дифференциальным признаком, позволяющим разграничить эти понятия, является оппозиция сакральный / профанный.

Бинарная оппозиция «сакральный / профанный» – одна из особенностей организации мифологического сознания. Сакральный – священный, божественный, духовный, обрядовый, сверхъестественный, вечный, высокий, истинный. Сакральное может быть персонифицировано, опредмечено. Передача значения возможна с помощью кодов разной модальности [7]. Профанный – обыденный, мирской, преходящий, материальный.

Смысловое наполнение понятий «сакрального» и «профанного» подвержено изменениям, так как опосредовано социокультурными условиями. Границы «сакрального» и «профанного» жестко определены (нерегламентированное нарушение этих границ может повлечь за собой наказание как со стороны общества, так и со стороны сверхъестественных сил), но они становятся проницаемыми в момент переосмысления обществом ценностей и трансформации смыслов. Процесс перехода элементов сакрального в разряд профанного и наоборот нам представляется следующим образом: происходит объективация сакрального знания, его рационализация, затем сегментация с последующим обра-

зованием ядерно-периферийной структуры и дальнейшее переосмысление, связанное с социокультурными изменениями (собственно, весь этот процесс является частью социокультурных изменений). Трансгрессия элементов протекает, как правило, в местах соприкосновения периферийных зон сакрального и профанного. Можно отметить тесную связь понятий «сакрального» и «профанного» с понятиями «коллективное сознание» [4], «коллективное бессознательное» и «архетип» [17; 18].

Сакральная коммуникация предполагает временный разрыв границ между сакральным и профанным для перехода человека в ирреальный мир или для связи с последним. М. Элиаде пишет, что «в той или иной форме всегда существует прорыв между сакральным и профанным и переход от одного к другому, причем прорыв и переход составляют саму суть религиозной жизни» [16, с. 142]. Регламентированное преодоление границ «сакрального» и «профанного» в сакральной коммуникации – еще одно из условий успешной коммуникации.

Вербальные и невербальные знаки в сакральном тексте могут наделяться самостоятельной магической силой, то есть сакральные знаки в ходе сакрального коммуникативного акта могут выполнять функции сверхъестественной силы. Например, текст молитвы в подвеске выполняет роль оберега; слова в направленных на изменение действительности заговорных текстах, в которых нет просьбы (обращения) к сверхъестественной силе; даже звук и графема в некоторых случаях обладают магической силой. Распределение объема, сферы функционирования, семантического наполнения магической силы сакральных знаков определяются конкретным сакральным коммуникативным актом.

Изучая язык и культуру народов Океании, Б. Малиновский отметил особенность некоторых знаков языка аборигенов, в которых значение и структура формируются в процессе совместной деятельности. Подобный знак включает в себя вербальный и невербальный код (акциональный), и только в таком единстве он имеет значение и может функционировать, причем только в определенной ситуации (в контексте определенного вида деятельности). Малиновский предполагает, что в первобытном обществе речь не связана с рефлексией, а потому не является специфическим видом деятельности, она служит лишь орудием (инструментом) для других видов совместной деятельности (охота, рыбалка и т. д.). Он считает, что тесная связь слова и действия на начальных этапах становления речи определила магическое отношение к слову [11].

Сакральные знаки, несмотря на их различную природу (вербальную и невербальную), могут вступать в парадигматические отношения (синонимические, антонимические и т. д. Эти явления мы будем называть: семиотическая синонимия, семиотическая антонимия и т. д.). Использование двух и более членов семиотического синонимического ряда в одном сакральном коммуникативном акте направлено на создание особого суггестивного эффекта. Этот эффект отчасти создается за счет подключения разных каналов передачи и восприятия информации. Смысловая избыточность при дублировании сакральных знаков не будет являться результатом ошибки подбора средств коммуникации, она будет одним из перлокутивных средств сакрального коммуникативного акта. О воздействии сакрального текста мы можем говорить относительно коммуникатора и коммуниканта. Воздействие на коммуникатора проявляется в достижении определенного эмоционального состояния (например, религиозного экстаза) во время продуцирования сакрального текста (чтения мантры, молитвы, ритуального танца и т. д.) и, как следствие, – укрепление веры в сверхъестественное.

В сакральном тексте могут быть описаны причина и цель сакральной коммуникации. Гриненко отмечает один интересный вариант такого описания: «...особый способ построения заклинаний, в которых желаемая ситуация (цель) описывается как существующая в момент продуцирования текста» [3, с. 216]. Если воспользоваться классификацией иллокутивных актов Дж.Р. Серля [12], то можно это определить как формальный репрезентатив с иллокутивной целью декларации.

Коммуникативный акт – это действие, процесс, протекающий в пространственно-временном континууме, а текст – это результат, продукт этого действия. Те же самые отношения связывают сакральный коммуникативный акт и сакральный текст. Стоит отметить, что при анализе сакральной коммуникации необходимо учитывать пространственно-временное соотношение актов продуцирования и восприятия сакрального текста.

«Тексты, получившие статус священных в какой-либо конфессии или религиозно-мистическом учении» [3, с. 13], во избежание путаницы мы будем называть религиозными текстами (Гриненко называет их «сакральными»). Стоит также отметить, что Гриненко ставит в один ряд *описание* сакральной коммуникации в религиозном тексте (например, общение Аллаха с Мухаммадом в Коране), что, по сути, – внутритекстовая реальность, и сакральную коммуникацию, совершающуюся, напри-

мер, в рамках обряда (объективная, внетекстовая реальность). Эти явления, безусловно, взаимосвязаны, но они разного порядка. Причем возможен такой вариант, когда чтение или произнесение религиозного текста, *отсылающего* сакральную коммуникацию, будет частью (реальной) сакральной коммуникации. Но не любое чтение или произнесение религиозного текста является сакральным коммуникативным актом. Для придания коммуникативному акту статуса «сакральный» необходимо соблюдение определенных условий.

В лингвокультурологических исследованиях Н.И. Коноваловой было предложено следующее понимание сакрального текста: «Сакральный текст – это произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания» [7, с. 27].

Соглашаясь в целом с этим определением, со всеми его сущностными характеристиками, позволим себе небольшое уточнение, которое требует от нас направление исследования. Заменяем слово «произносимый» на слово «производимый», так как сакральный текст, в нашем представлении, имеет вербальные и невербальные знаки.

На онтологическом уровне сакральную коммуникацию характеризуют недискретные симбиотические отношения мифологического и рационалистического, сознательного и бессознательного, идеальной стороны действительной реальности и виртуальной реальности. В данной работе мы определили специфические черты сакральной коммуникации, которые позволяют выделить ее как особый вид коммуникации. Нами проанализированы и в некоторых случаях уточнены дефиниции, связанные с понятием «сакральная коммуникация»: «сакральный текст», «сакральный коммуникативный акт», «успешная / неуспешная сакральная коммуникация», «субъект сакральной коммуникации». Охарактеризованы причина и цель сакральной коммуникации, а также их соотношение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
2. Бейтсон Гр. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 480 с.
3. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. М.: Новый век, 2000. 445 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
5. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
6. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования – IV. М.: ИП РАН, 2010. С. 134–152.
7. Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен [Текст]: монография. Екатеринбург, 2007. 298 с.
8. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
9. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
10. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: «Ээсти Раамат», 1973. 93 с.
11. Малиновский Б. Проблема значения в примитивных языках // Эпистемология и философия науки. Т. V. М., 2005. № 3. С. 199–233.
12. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
13. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
14. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации: коллективная монография. М.: Наука, 1974. 148 с.
15. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 252 с.
16. Элиаде М. Структура символов (фрагмент) // Метафизические исследования. Вып. 10. СПб., 1999. С. 141–152.
17. Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 297 с.
18. Юнг К. Структура души // Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс: Универс, 1993. 329 с.
19. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.

Поступила в редакцию 12.05.2022

Филиппов Евгений Николаевич, магистр, аспирант кафедры русистики факультета философии
 Университет св. Кирилла и Мефодия
 91701, Словацкая республика, г. Трнава, Nám. J. Herdu, 2
 E-mail: quibble88@mail.ru

E.N. Filippov

**SACRED COMMUNICATION AS A SPECIFIC TYPE OF COMMUNICATION:
 MAIN CHARACTERISTICS, STRUCTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1115-1121

The study presents the results of a systematic analysis of the structure of sacred communication. A necessary element for defining communication as sacred is the belonging of one or more subjects to a supernatural power. Sacred signs are a means of communication, they can be verbal and nonverbal. Signs can be endowed with magical power, thereby performing the function of supernatural power. A sacred communicative act will be a relatively integral unit of sacred communication, and its main component will be a sacred text. The study clarifies the terms associated with this type of communication. Temporal and locative specificity of functioning, elements of semantics (opposition sacred / profane, doubling of worlds) and the role of precedent are characterized. The reason and purpose of sacred communication are singled out, possible variants of their correlation are described. Achievement or non-achievement of the goal, which is due to a number of specific factors, determines the success of communication.

Keywords: communication theory, sacred communication, sacred text, sacred communicative act, sacred sign.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Frejdizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filozofiya yazyka. Stat'i [Freudianism. Formal method in the study of literature. Marxism and the philosophy of language. Articles]. M.: Izdatel'stvo «Labirint», 2000. 640 s. [Moscow, Labirint Publ., 2000, 640 p.] (In Russian).
2. Bejtsjon Gr. Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psixiatrii i epistemologii [Steps to an ecology of mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology]. M.: Izdatel'stvo «Smysl», 2000. 480 s. [Moscow, Smysl Publ., 2000, 480 p.] (In Russian).
3. Grinenko G.V. Sakral'nye teksty i sakral'naya kommunikaciya. Logiko-semioticheskij analiz verbal'noj magii [Sacred texts and sacred communication. Logical-semiotic analysis of verbal magic]. M.: Novyj vek, 2000. 445 s. [Moscow, New age Publ., 2000, 445 p.] (In Russian).
4. Dyurkgejm E. [Durkheim E.] O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of labor in society]. M.: Kanon, 1996. 432 s. [Moscow, Canon Publ., 1996, 432 p.] (In Russian).
5. Zimnyaya I.A. Lingvopsihologiya rechevoj deyatel'nosti [Linguopsychology of speech activity]. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut, Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 432 s. [Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ., Voronezh, NPO MODEC Publ., 2001, 432 p.] (In Russian).
6. Kibrik A.A. Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics]. Kognitivnye issledovaniya – IV [Cognitive studies – IV]. M.: IP RAN, 2010. S. 134–152. [Moscow, IP RAN Publ., 2010, pp. 134–152] (In Russian).
7. Konovalova N.I. Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen [Tekst]: monografiya [The sacred text as a linguocultural phenomenon [Text]: Monograph]. Ekaterinburg, 2007. 298 s. [Ekaterinburg, 2007, 298 p.] (In Russian).
8. Krasnykh V.V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikaciya). Monografiya [Virtual reality or real virtuality? (Human. Mind. Communication). Monograph]. M.: Dialog-MGU, 1998. 352 s. [Moscow, Dialog-MGU Publ., 1998, 352 p.] (In Russian).
9. Krejdlin G.E. [Kreydlin G.E.] Neverbal'naya semiotika: YAzyk tela i estestvennyj yazyk [Non-verbal semiotic: Body language and nature language]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 592 s. [Moscow, New Literary Review Publ., 2002, 592 p.] (In Russian).
10. Lotman Yu.M. [Lotman J.M.] Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallin: «Eesti Raamat», 1973. 93 s. [Tallin, Eesti Raamat Publ., 1973, 93 p.] (In Russian).
11. Malinovskij B. [Malinowski B.] Problema znacheniya v primitivnyh yazykah [The Problem of meaning in the primitive languages]. Epistemologiya i filozofiya nauki. T. V. [Epistemology and Philosophy of Science. Vol. 5]. M., 2005. № 3. S. 199–233. [Moscow, 2005, № 3, pp. 199–233] (In Russian).
12. Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov. Sbornik [New in foreign linguistics: iss. 17. Speech act theory. Compilation]. M.: Progress, 1986. 424 s. [Moscow, Progress Publ., 1986, 424 p.] (In Russian).
13. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 562 s. [Rostov-on-Don, Phoenix, 2010, 562 p.] (In Russian).

14. Psiholingvistiicheskie problemy massovoj kommunikacii: kollektivnaya monografiya [Psycholinguistic problems of mass communication: collective monograph]. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1974. 148 s. [Moscow, Science Publ., 1974, 148 p.] (In Russian).
15. Sternin I.A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie [Introduction to speech influence]. Voronezh, 2001. 252 s. [Voronezh, 2001, 252 p.] (In Russian).
16. Eliade M. Struktura simvolov (fragment) [Structure of symbols (fragment)]. Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 10 [Metaphysical research. Vol. 10]. SPb., 1999. S. 141–152. [Saint Petersburg, 1999, pp. 141–152] (In Russian).
17. Yung K. Arhetip i simvol [Arhetip and simbol]. M.: Renessans, 1991. 297 s. [Moscow, Renessans Publ., 1991, 297 p.] (In Russian).
18. Yung K. Struktura dushi [The structure of the soul]. Problemy dushi nashego vremeni [Soul problems of our time]. M.: Progress: Univers, 1993. 329 s. [Moscow, Progress: Univers Publ., 1993, 329 p.] (In Russian).
19. Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' [Linguistics. Big encyclopedic dictionary]. M.: Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya, 1998. 685 s. [Moscow, Big Russian Encyclopedia Publ., 1998, 685 p.] (In Russian).

Received 12.05.2022

Filippov E.N., magister, Ph. D student of the Department of Russian studies, Faculty of Arts
University of Ss. Cyril and Methodius,
Nám. J. Herdu, 2, Trnava, Slovak Republic, 91701.
E-mail: quibble88@mail.ru